

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

П И С Ь М Е Н Н Ы Е
П А М Я Т Н И К И
В О С Т О К А

И С Т О Р И К О - Ф И Л О Л О Г И Ч Е С К И Е
И С С Л Е Д О В А Н И Я

Ежегодник

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1970

Е. И. Кычанов

«ГИМН СВЯЩЕННЫМ ПРЕДКАМ ТАНГУТОВ»

Среди тангутских рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР¹ есть книга без названия, довольно посредственной сохранности, которая является одним из наиболее ценных памятников нашего собрания. Еще в начале 30-х годов Н. А. Невский, занимаясь разбором коллекции, обнаружил, что на оборотных сторонах листов ксилографа записан от руки целый сборник оригинальных тангутских поэтических произведений, названных им одами. И бесспорно, как это сразу же и отметил Н. А. Невский, самыми ценными среди них были «Ода в честь создателя тангутской письменности»² и «Гимн священным предкам тангутов». Последняя ода уже своим названием заинтересовала Н. А. Невского. Он тщательно копирует текст оды³ и приступает к ее исследованию.

Однако общий уровень тангутоведения того времени, признанным лидером которого был Н. А. Невский, оказался еще недостаточным, чтобы дать хотя бы черновой перевод памятника. Словарь самого Н. А. Невского также был еще далек от того объема, который он имеет теперь. И поэтому, выступая на сессии АН СССР в 1935 г. с обзорным докладом: «Тангутская письменность и ее фонды», Н. А. Невский, прежде чем зачитать отрывки из этого произведения, должен был предварительно заявить: «Эта ода, на мой взгляд, представляет значительный интерес, проливая свет на раннюю историю возвышения тангутов. Но, к сожалению, она полна собственных имен, установление чтения которых сопряжено с громадными трудностями, и в ней масса неизвестных мне идеографов, так что при моем настоящем знании тангутской письменности я еще не в состоянии зачитать полный перевод этой оды, но все же хотел бы остановиться на некоторых местах, доступных расшифровке»⁴.

За прошедшие тридцать с небольшим лет благодаря трудам Н. А. Невского и посмертному опубликованию его трудов, удостоенных в 1962 г. Ленинской премии, а также усилиями тангутоведов разных стран тангутоведение продвинулось вперед. Мы имеем теперь возможность попытаться опубликовать полный тангутский текст оды и дать

¹ «Тангутские рукописи и ксилографы», составители З. И. Горбачева и Е. И. Кычанов, М., 1963.

² Точное название: «Церемониальная песнь [в честь] благородного учителя». Полный, слегка художественно обработанный и точный перевод этой оды выполнен Н. А. Невским (Н. А. Невский, *Тангутская филология*, М., 1960, стр. 80; далее — ТФ).

³ Архив востоковедов ЛО ИВ, ф. 69, оп. 1, № 11, лл. 37—42.

⁴ ТФ, кн. 1, стр. 75.

ее посильный перевод, верно пока еще не окончательный, требующий дальнейшего изучения и критического разбора как специалистами в области тангутского языка, истории и культуры, так и специалистами смежных дисциплин, в первую очередь тибетологами.

Публикация включает краткую характеристику ксилографа, тангутский текст оды, транскрипцию текста, перевод, комментарий к переводу и заключение, посвященное краткой оценке оды как источника по ранней истории тангутов.

Книга, на оборотных сторонах листов которой записаны тексты од⁵, представляет собой ксилограф, сброшюрованный «бабочкой», размер листа 25,0×16,5 см, размер текста 18,8×13,0 см, 8 строк на странице, по 16 знаков в строке. Пагинация текста не сквозная, каждый раздел книги имеет свою разметку листов по-китайски от л. 1а и т. д. Общий объем памятника — 61 лист. Основной, отпечатанный ксилографическим способом текст состоит, по-видимому, из поэтических произведений, так называемых больших од. Другой записан от руки на оборотных сторонах листов по 8 строк на странице, подогнанных между просвечивающими строками ксилографированного текста. В каждой строке чаще всего по 17—18—19 знаков. Почерк четкий, но иногда с элементами скорописи, что, естественно, затрудняет разбор текста. «Гимн священных предкам тангутов» написан на оборотной стороне лл. 26—36 раздела «Большие оды», по-видимому, первого из сохранившихся разделов книги. Строки записи, начиная со стк. 5 л. 26 до стк. 7л. 36, не совпадают со строками поэтического текста «Гимна». Однако строки поэтического текста выделены при переписке просветами, и поэтому при воспроизведении его мы смогли каждую строку «Гимна» переписать отдельно.

Сказать точно, когда был сочинен «Гимн», трудно, но несомненно, что он, как и все остальные оды, был переписан после 1185 г., когда вышла в свет книга, оборотные стороны листов которой были использованы для их записи. Наиболее поздней вероятной датой переписки мог быть 1226 г. — год взятия Хара-Хото монголами, поскольку коллекцию в целом можно датировать концом XI — началом XIII вв.⁶

Каких-либо данных о лице, записавшем текст оды, пока обнаружить не удалось.

Ниже воспроизводится текст «Гимна», переписанный от руки, так как фотографии его получаются очень нечеткими из-за плохой сохранности листов оригинала и еще потому, что первоначальный ксилографический текст, просвечивая сквозь недостаточно плотную серую бумагу, затемняет и без того не всегда ясный текст «Гимна».

Транскрипция дается в реконструкции Нисида Тацуо⁷. Однако, к сожалению, система принятых Нисида Тацуо знаков крайне сложна для воспроизведения ее типографским способом. Этим объясняется воспроизведение факсимиле транскрипции текста, переписанного от руки, а также и то, что в дальнейшем в тексте перевода и комментария передача звучания тангутских слов средствами русского алфавита приближительна и условна.

⁵ Тангутский фонд ЛО ИВ, инв. № 121.

⁶ «Тангутские рукописи и ксилографы», стр. 21.

⁷ Нисида Тацуо, *Сэйка го-но кэнкю*, т. I, 1964; т. II, 1966.

1. 麟 介 麟 反 麟 麟
2. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
3. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
4. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
5. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
6. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
7. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
8. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
9. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
10. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
11. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
12. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
13. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
14. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
15. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
16. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
17. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
18. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
19. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟
20. 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟 麟

E. И. КЫЧАНОВ

21. 移孛茲榜蕪移孛龍爨
22. 茲孛茲孛
23. 茲孛 ~ 茲孛龍茲孛孛
24. 孛 ~ 孛孛茲孛孛孛孛
25. 孛孛茲孛孛孛孛
26. 孛 ~ 茲孛孛孛孛孛孛孛孛
27. 茲孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
28. 茲孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
29. 孛孛孛孛孛孛孛
30. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛
31. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
孛孛孛孛
32. 孛孛 ~ 孛孛孛孛 ~ 孛孛孛孛孛孛孛
33. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛
34. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
35. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
36. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
37. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
38. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛
39. 孛孛孛孛孛孛孛孛孛孛

- 40. 纓 薩 牂 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝
- 41. 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝
- 42. 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝
- 43. 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝
- 44. 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝
- 45. 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝
- 46. 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝 緝

ТРАНСКРИПЦИЯ

- 1. lɬɛ ʃiẽ mah 'yoh Ga
- 2. yuh nɬiãh lɨ vɪ tshõ ɓzar phɬu
- 3. nih neh nɬviã lhíu mah phíõ mbeh
- 4. má niah ɳdʒiɔh 'yeh lɬeh thɔh wɬh
- 5. mbár ? mbeh ɣɔ tshíãh ɳdzɔh
- 6. neh líu nɬɔ nɬɔh mah kʷɪh
- 7. mah tsíɛr neh 'a yoh ngih
- 8. rar tɨ pɔh pʷɛ 'yeh ɣkɪẽ mih khʷɛ phã ɓzɛ ʃiẽ
- 9. tshãh ɓzɔh neh nɬy wi má ɳdʒi'wõ khʷɛ niẽh tshíu
- 10. tsh mbíeh líu líu ngih mbeh
- 11. ʃɔ ɓih ríɛ ríɛ wi ?
- 12. le yoh phah 'yeh tsíẽ tshíãh líu
- 13. phah 'yeh tsíẽ líu sã mbeh lõ
- 14. khɔ yoh ɓzar rir líu ndzar síh
- 15. ɓzar rir líu ndzar tsíh kɔh ruh

16. Gi neh rĭe mĭ mah ʙzĭr ʙdzeh ʙō mih tsã
17. xoh xah mʙĭa ʙxar ndĭ nreh vi 'wu phõ phõ mʙĭah iʙ
18. ʙgʙ ndih ba nhĭah lõ ʙuh kh^wih
19. ʙĭa mĭu kĭ ndzur mĭu ? ʙgĭ
20. nrĭy nrĭy kh^wĭ mĭu neh lhe ʙ^wih
21. li rir 'a ʙe li ʙdzih ʙa
22. ʙ-zqr mah ʙzĭ
23. nĭ nĭ Lĭvĭ ĉĭ Lĭvĭ ndah nĭe
24. ʙgĭ ʙgĭ tshih tĭ tshih mih 'yĭe
25. pĭy tshĭa mĭ kah Hĭew ndqĭ nah
26. wi wi mĭ tšĭer rar tu mʙĭah ? 'yeh meh lhi
27. ʙqĭh mih 'yeh 'a mʙqĭh mah mĭ rur lĭy tĭ
28. ʙqĭh mah kĭnəw rĭe ʙĭy mih mʙqĭh mĭeh Gĭ mih
29. 'ya tshã ʙoh thqĭh rō nĭ
30. Gĭ 'yĭu rar ʙy tshĭah nah tch
31. thqĭh 'yeh nch lĭe ʙyĭah ndeh ʙgĭh mʙĭ rir mʙĭah
Gir wq 'yĭəw nch
32. kʙ kʙ ʙgĭh ? mĭeh mĭeh 'a lĭ mih seh xoh
33. mʙĭah thuh neh ʙzvĭh nhĭ ʙ^wih ʙoh
34. ndah ʙdzah kʙ ʙa mah ʙgĭvĭh rĭur ʙih ʙdzĭy ʙdzĭ
35. ʙa ʙdze ʙx ʙĭow ʙdzu wi ʙe
36. ʙĭĭ mʙĭor mĭ nhah 'a mĭu la mih ʙĭ kĭ ʙy
37. lĭh ? ʙĭe nreh nĭ sih nhah
38. rĭe ʙzəw ʙah ʙoh Geh neh thah tshĭah lneh
mʙĭah kh^we
39. ʙqĭh mih thĭ mʙĭah mbĭr rie

40. ? mah le kh^wah yah riē siū la
 41. meh ? ngē'yiew mbieh theh mieh khah kir nieh tshiu
 42. kir liē ? ndē s^wa siē wah
 43. law nu siē ndah hah nq ceh
 44. rar yō sah ? mih ?
 45. rir kh^wah nu kir mā seh
 46. ml ? ihl ? γε ndze 'a mbah ndah Biē nih

ПЕРЕВОД*

1. Гимн^a священным^b предкам танутов¹.
2. Каменный город² черноголовых³ на берегу⁴ реки Цзон⁴.
3. Могилы отцов краснолицых⁵ в верховьях Белой реки⁶.
4. Длинных⁷ танутов¹ страна там находится⁷.
5. Народ [там] талантливый, высокий, в десять футов⁷ [ростом] люди².
6. Коня телом добрые, пятистремянные⁶.
7. Роды и поколения⁹ — близкая родня [и] сыновья одной утробы.
8. Батюшка Пар-ту¹⁰, сам хоть и ростом был невелик, но необыкновенно^c мудр.
9. В то давнее время, малое делать не соглашаясь, замысел великий таил^k.
10. Тибетскую девушку, красивую-красивую, взял себе в жены.
11. Семь [его] доблестных-доблестных сыновей крепко любили друг друга.
12. Решили нарушить замысел³ западного тибетского государя.
13. Замыслы тибетцев нарушил Сан-мбух-лон^h¹¹.
14. Отправились на войну^k с восточным китайским государем.

* В дальнейшем буквами русского алфавита обозначены построчные комментарии к переводу, а цифрами — комментарии к тексту, помещенные вслед за переводом.

^a Букв. «хвалебная песнь».

^b Или «мудрым».

^c Знак значит «край», «бок», «окраина», «рубеж», «граница».

¹ У Н. А. Невского эти строки переведены следующим образом: «Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни, Краснолицых отцовские курганы в верховьях белой реки, Длинных 'mi-'piä страна там находится». — ТФ, кн. 1, стр. 75

² Эта строка также встречается в переводе Н. А. Невского: «Высокого [человеческого] роста люди в 10 футов» (ТФ, кн. 1, стр. 75).

⁶ В тексте *pxin rdze*; *pxin* — «необыкновенный», «удивительный» «изумительный», «небывалый», «название чего-либо очень хорошего», *rdze* — служебное слово для выражения степени сравнения. Все сочетание буквально значит «необыкновенно мудр».

⁷ Эта строка цитируется Н. А. Невским: «С некоей поры, не желая быть малым, замысел великий таил» (ТФ, кн. 1, стр. 76).

³ Букв. «напасть на замыслы».

^h Сан — фамильный знак. *Мбух-лон* могло быть именем. Одновременно это слово значит «волдырь», «прыщ»; «свиток».

^k В тексте: *лиу-ндзур* — в этом слове (или словосочетании) неясно значение *лиу*. В словаре «Гомофоны» этот знак поясняется знаком «тело», «форма». Возможно, вместе с *ндзур* — «сориться», «враждовать», «сражаться с...».

15. Сражался с китайцами Чих-кух-рух^а 12.
16. Ги-нех^{м13} с внешностью коня^н реку переплыл, в низинах не укрывался^о.
17. Отец [наш] Хох-хах¹⁴ в китайской столице был накрепко заточен^п.
18. Непреклонный вожак, крутолобий черный бычок¹⁵ с [крепкими] рогами^р.
19. С благовонным слоном сразился¹⁶ — слону бивни отрезал.
20. Рниу-рниу¹⁷, с внешностью^с собаки, рот, как ущелье, и клыки.
21. С тигром сразился — тигру когти выдрал.
22. Китайский император.^т
23. Каждодневно об. заклад бился^у пересилить [тангутов?] — заклад проиграл.
24. Ежедневно ставил в ряд колесницы — колесницы не помогли^{ф18}.
25. [Ибо его и тангутов?] сила и доблесть были не равны, [и его] сомнения углубились^{х19}.
26. Что бы [китайский император] ни делал, не добился успеха, Рар ту противился^н, [но] сам еще не добился независимости^{ч20}.
27. Наша матушка 'А-мбах^{м21} — рода источник^г,
28. Серебряное чрево, золотые груди. Доблестное племя не прекращается и именуется Ги-мих^{ю22}.

^а Как и в случае, оговоренном выше (стк. 13, прим. 2), Чих — фамильный знак. Кух-рух могло служить именем, букв. «шкатулка». Строки 12—13 и 14—15 параллельны по построению.

^м В китайских текстах данный знак транскрибируется как 𠂇. Это первый знак в фамилии тангутского правящего рода Вэймин. Нисида Тацуо. (*Изучение языка Си Ся*, стр. 175) дает еще реконструкцию «Гиух».

^н Ми «вид», «образ», «контур».

^о Бон «низ», «нижний», «внизу». Слово чан, кроме «прятаться», «укрываться», имеет еще значение «труднопроходимая местность», «горы и ущелья». Смысл последних трех слов недостаточно ясен.

^п Пхон-пхон. Значение слова неясно. В словаре «Гомофоны» знак поясняется словом, означающим «корень», «столб», «опора», «опираться». Поэтому употребление слова пхон в повторе в качестве обстоятельства образа действия мы переводим условно как «накрепко». Лу «преграда», «препятствие», «заковать в кандалы».

^р Смысл фразы не совсем ясен. Мы трактуем ее как характеристику «отца Хох-хах», бывшего в плену в Китае. Нгу «крепкий», «твердый», «непреклонный». Ндих — точное значение неизвестно. В «Гомофонах» поясняется словом, означающим «глава», «вождь», «руководитель». Отсюда наш перевод «непреклонный вожак». Бу-нхиах «черный бычок». Лон-гух-кхвих — «крутая рогатая голова», ибо лон — «холм», «крутизна», «крутой склон».

^с Миу — точное значение неясно. В «Гомофонах» поясняется словом, означающим «вид», «цвет», «наружность», «красота». Как и в стк. 16, мы переводим это место как характеристику внешнего облика предка, там с «внешностью лошади», здесь с «внешностью собаки». Кстати, оба слова пишутся по-разному, но фонетически близки.

^т Букв. «сын Неба». Словосочетание, по-видимому, выделено не как отдельная поэтическая строка, а как написание высокого титула. Такая форма записи была широко принята на Дальнем Востоке.

^у Луух «биться об заклад», «ставить на кон».

^ф Букв. «не получил выгоды».

^х Хиу «сомневаться», «не верить», «сомнения», «неуверенность»; нах «глубокий».

^ч Значение знака см. ТФ, кн. 2, стр. 234.

^н Нех мех лхи. Связь этих слов с предыдущими не совсем ясна. Буквально они значат «сам (сам себя) еще не освободил». Если допустить, что переписчик написал слово мех вместо ндах (см. стк. 25, предпоследний знак), то тогда следует перевести «сам себя освободил».

^м 'А-мбах еще значит «теща». Если это не собственное имя, то надо переводить: «Наши теши и матери — рода источник».

^г Эта строка переведена у Н. А. Невского: «Наша матушка А-ма стала 'рода' истоком» (ТФ, кн. 1, стр. 76).

^ю Как уже указывалось, знак реконструируется Нисида Тацуо так же и как «Гиух». Строка в переводе Н. А. Невского:

29. Дедушка Йа-цхан²³ неужто знал это?
30. Корову искал, на границу вышел.
31. После этого [его] сын *Неух-ндех* с драконом спарился^а 24 по какой причине?
32. Позднее сыновья и внуки [его] повсюду процветали [и появился] тангут¹ *Сех-хох*²⁵.
33. Еще до рожденья имел [он] два зуба,
34. Вырос, всеми десятью благими знаменьями²⁶ овладел.
35. В сопровождении семи всадников прибыл, чтобы стать императором^{аб},
36. На земле^{ав} тангутов¹ призвал, кто к нему не пришел? 27.
37. [Как] ветер промчалась (?)^{аг} священных князей божественная армия,
38. Коня веда на поводу^{ад}, [Сех-хох] усилился, и на этом государство расцвело,
39. [Поэтом] огненные мы — люди, выполняющие церемониал лошади²⁸.
40. Доблестное племя идет на запад, где лики предков²⁹.
41. Еще не отложившись^{ае}, не бросив клича, среди захолустных окраин [он] замысел смелый тайл³⁰.
42. К иноземцам всех четырех стран света одинаковых^{аж} гонцов послал,
43. Первым среди прочих обратился к мудрецам со словами мира:
44. Землю холить^{аз}, злаков не губить,
45. Среди людей земли равно не знать грабежей,
46. [Под] вечным солнцем и вечной луной сраженья и раздоры прекратились и радость пришла!

«Это серебряное чрево и груди золотые,
Хорошее семя не прерывается и носит название нвей-ми»

(ТФ, кн. 1, стр. 76).

^а *Гир* «два», «пара», «парный», также фамильный знак. Поскольку перед этим словом стоит глагольный префикс, значит это сказуемое, отсюда перевод «спарился».

^{аб} Строки 32—35 переведены у Н. А. Невского так:

«Когда же впоследствии широко развернулось потомство,
[появился] ми Се хук,

С момента рожденья имел он два зуба,

Когда же подрос он, все десять удач в нем одном собрались,

Веда за собою семь всадников, он явился, чтобы быть государем».

(ТФ, кн. 1, стр. 76)

^{ав} *Лди-мвиор* — букв. «спинной хребет», «спина земли».

^{аг} После слова «ветер» — непонятный знак. Возможно, в данной строке речь идет о том, что призыв *Сех-хох* получил отклик не только среди живых тангутов, но и среди божеств, духов предков.

^{ад} Букв. «коня в руке имея».

^{ае} Букв. «еще не вытаскивать, не срезать».

^{аж} Точное значение слова *сви* неясно. В «Гомофонах» это слово поясняется словом «один», «некий». Поэтому *нде-сви* мы переводим как «одного рода», «одной категории», «одинаковый».

^{аз} *Гон* «подушка», отсюда «делать мягким, как подушка», «холить».

КОММЕНТАРИИ

1. В тексте «Гимна» встречаются три слова для наименования тангутов: *лхе* (стк. 1), *ми-ниах* (*миняг*) (стк. 4 и 36) и *мих* (стк. 32). Два последних этнонима наиболее часто встречаются в тангутских текстах, и их с полным основанием можно считать наиболее распространенными самоназваниями тангутов. Употребление слова *мих* в качестве самоназвания тангутов впервые было установлено А. И. Ивановым (Си Ся го шу шо, — «Го сюе цзи кань», из. 1, стр. 677). Этноним *ми-ниах* был расшифрован в

тангутских текстах Н. А. Невским (ТФ, кн. 1, стр. 39—40, 75, кн. 2, стр. 135). Наименование *ми-них* впервые зафиксировано в китайских источниках (*Синь Тан шу*, 221, (1), «Новая история [династии] Тан», гл. 221А) в форме 弭藥, по реконструкции Б. Карлгрена *mje lak* (B. Karlgren, *Grammata Serica Recensa*, — «The Museum of Far Eastern Antiquities, Bulletin», № 29, Stockholm, 1957, № 360, 1125). *Миняг* являлось и тибетским наименованием тангутов, верно отражавшим одно из распространеннейших их самоназваний. По мнению Р. А. Штейна, *миняг*, возможно, были лишь одной из этнических составных частей населения тангутского государства Си Ся (982—1227 гг.) (R. A. Stein, *Mi-nags et Si-Hia. Géographie historique et légendes Ancestrales*, — BEFEO, t. XLIX, Hanoi, 1951, p. 234). Этноним *лхе* как самоназвание тангутов зафиксирован в тангутском словаре «Море письмен, смешанные категории», на стр. 96: Одно из наименований тангутов, название тангутов (букв. «людей *мих*»). Его можно попытаться очень условно сопоставить с He-rNegs тибетских источников. He-rNegs упоминаются в связи с l'Doi и Toñ, возможно, предками тангутов (R. A. Stein, *Les Tribus anciennes des Marches Sino-Tibetaines*, Paris, 1961, p. 25, 78).

Этноним «тангуты», под которым население Си Ся известно в русской и европейской литературе, по своему происхождению связан или с самоназванием тибетцев (H. W. Bailey, *Ttagutta*, — BSOS, vol. X, 1941, pt 3, pp. 599—605), или с китайским названием племен северо-восточного Тибета — дансян (ТФ, кн. 1, стр. 74; P. Poucha, *Mongolische Miscellen*, — CAJ, vol. 1, № 4, p. 285), названием, вероятно, уходящим в глубь веков и имеющим автохтонное происхождение (R. A. Stein, *Les Tribus*, pp. 32, 40, 48).

Этноним «тангуты» употреблялся у центральноазиатских народов — древних тюрок, монголов (С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*, М.—Л., 1959, стр. 16, 20) для обозначения родственных тибетских и дансянских (тангутских) племен.

2. Каменный город. — Стк. 1, 2, 3, 4 «Гимна» были в свое время детально разобраны Н. А. Невским. Под Каменным городом Н. А. Невский понимал город Хара-Хото, расположенный в устье р. Эдзин-гол, на северной границе тангутского государства (ТФ, кн. 1, стр. 40). Однако Р. А. Штейн считает, что Каменный город — это Шичэн (букв. «каменный город»), находившийся в свое время в районе между реками Синин и Хуанхэ (R. A. Stein, *Mi-nags et Si-Hia*, p. 229—230). Трактовка этих трех строк «Гимна», данная Р. А. Штейном, кажется нам более убедительной, о чем подробнее будет сказано в следующих комментариях.

3. Черноголовые — одно из наименований тангутов, обычно употребляется в сочетании с «краснолицыми» (ТФ, кн. 1, стр. 36—37, Нисида Тацуо, *Изучение языка Си Ся*, стр. 170). Кроме словосочетания, указанного в «Гимне», понятие «черноголовые» передается также другими словами, одинаковыми по смыслу («голова» и «черный»), но звучащими иначе: *лиу мур* и записываемыми соответственно другими знаками (ТФ, кн. 1, стр. 51, табл. 16). В словаре «Море письмен» мы встречаем упоминание о прародителе, «отце черноголовых» (стр. 336) по имени *мбух* (написание знака см. ТФ, кн. 1, стр. 51, табл. 17). Кроме того, в этом же словаре сохранилось упомина-

ние об одном из его сыновей по имени *гух* (стр. 106) . Черноголовые извест-

ны нам и из тибетских источников где рассказывается о том, что 18 яиц были источником «появления на свет черноголовых людей Тибета» (R. A. Stein, *Les Tribus*, p. 22). Н. А. Невский полагал, что слова «черноголовые» и «краснолицые» были синонимическими выражениями, употреблявшимися в значении тангутского народа в целом» (ТФ, кн. 1, стр. 37). Думается, что исторически, как и полагал Н. А. Невский, «это было популярным наименованием каких-то двух основных племен тангутского народа, образовавших свое государство» (ТФ, кн. 1, стр. 37). В пользу этого предположения, как нам кажется, говорит упоминание о прародителе, «отце черноголовых» и только их, а также упоминание об одном из его сыновей.

4. На берегу реки Цзон — в переводе Н. А. Невского «на берегу вод пустыни». Под водами пустыни Н. А. Невский понимал р. Эдзин-гол. Р. А. Штейн позднее предложил считать знак «пустыня» употребленным здесь фонетически и полагал, что в тексте имеется в виду не р. Эдзин-гол, а р. Цзуншуй, в районе озера Куку-нор, обозначенная между городами Шичэн (Каменный город) и Цзунгэ на китайской карте этого района, относящейся к династии Мин, но отражающей еще более ранние сведения. «Это река Tsoñ долины Tsoñ-ка, перед которой расположен Шичэн, или „город из камня“, точно соответствует реке Tson, на берегу которой находится Шичэн из стихотворения Си Ся» (R. A. Stein, *Mi-nags et Si-Hia*, pp. 229—230). Нам кажется, что локализация страны «длинных тангутов» в районе к западу от Гумбум, в Tsoñ-ка,

предложенная Р. А. Штейном, поскольку речь идет о предках тангутов, а не о более позднем периоде тангутского государства Си Ся (982—1227 гг.), более приемлема и предпочтительна. Из китайских источников хорошо известно, что дансянские (тангутские) племена действительно заселяли этот район, и поэтому предлагаемый перевод этих строк «Гимна» выполнен на основании толкования, данного в свое время Р. А. Штейном.

5. Краснолицые — как уже указывалось в прим. 3, одно из наименований тангутов, встречающееся в парном сочетании: «краснолицые и черноголовые». Кроме того, оно передавалось также словами *лхе ших* (письменные знаки см. ТФ, кн. 1,

стк. 51, табл. 16) и *рзах* «краснолицые», «название людей с красными лицами»

(«Море письмен», стк. 24а) и *не* «краснолицые», «название краснолицых»

(«Море письмен», стк. 68а). Н. А. Невский полагал, что данное название происходит от известного по китайским источникам обычая древних тибетцев мазать лица красной краской (ТФ, кн. 1, стр. 36—37). Тибетские женщины еще до недавнего времени мазали лица темно-коричневым составом (Г. Ц. Цыбиков, *Буддист-паломник у святынь Тибета*, Пг., 1919, стр. 162). Постоянное, бесспорно образно-поэтическое в эпоху Си Ся, наименование тангутов «черноголовыми» и «краснолицыми» предполагало, по-видимому, разделение древних предков тангутов на две какие-то группы, — разделение, происхождение и характер которого предстоит еще выяснить.

6. Верховья Белой реки. — Под этой рекой Н. А. Невский подразумевал р. Байшуй (букв. «белая вода»), стекающую с гор Миньшань (ТФ, кн. 1, стр. 47). Такое отождествление не противоречит и толкованию, данному трем указанным строкам «Гимна» Р. А. Штейном. Таким образом, если мы будем считать северной границей страны тангутов, описанной в «Гимне», р. Синин, к югу от которой, в междуречье рек Синин и Хуанхэ течет река tshō, на берегах которой стоял Каменный город (совр. провинция Цинхай), а южной границей верховья р. Байшуйцзян, на линии (с востока на запад) современных городов Вэньсянь—Жоэргай (провинция Сычуань), то указанная территория довольно точно будет соответствовать той, на которой, судя по китайским источникам, в VII—VIII вв. размещались дансянские (тангутские) племена (Ямамото) Сумико, *Тодай-ни окэру токо но идэю ни цуйтэ*, — «Сикан», т. 26—27; Е. И. Кычанов, *К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам)*, — «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961, стр. 153).

7. Длинных тангутов страна там находится, народ [там] талантливый, высокий, в десять футов [ростом] люди. — В стк. 4 и 5 «Гимна» дается характеристика тангутского народа. В тексте подчеркивается, что тангуты были высокорослыми — «длинные тангуты». Высокий рост тангутов не раз подчеркивается и другими источниками. В тибетском сочинении d'Pag-bsam самоназвание тангутов *миняг* объясняется как «люди с красивыми телами» (R. A. Stein, *Mi-nags et Si-Ni*, р. 229). В китайских источниках также не раз подчеркивается высокий рост тангутов: император Юань-хао «был круглолиц, с высоким носом, ростом более 5 чи» (*Сун ши*, цз. 485, — «Сы бу бэйяо», Шанхай, 1935—1936, стр. 3786), князь Жэнь-чжун был «высокого роста» (Дай Си-чжан, *Си Ся цзи*, Пекин, 1924, гл. 24, стр. 106). Вильгельм де Рубрук писал: «Среди тангутов я видел людей больших, но смуглых» (Иоанн де Плано Карпини, *История Монгалов*; Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны*, перевод Маленина, СПб., 1910, стр. 110). Таким образом, как и отмечается в нашем источнике, тангуты действительно были в глазах современников высокорослым народом.

10 футов, или *чи* (тангутское *чхиах* — явно заимствованное китайское слово 尺 *чи*) в данном случае, очевидно, поэтическое преувеличение, так как 1 *чи* равняется приблизительно 0,32 м. Тангуты, по-видимому, в своей значительной части были близки тому современному антропологическому типу тибетцев, который характеризуется высоким ростом, выступающим носом, долихокефалией. Этот тип широко представлен и сейчас в древних областях расселения тангутов и родственных им племен — в восточной и северо-восточной Тибете (Ю. И. Журавлев, *Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны*, — «Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая», т. XXIII, «Восточно-Азиатский сборник», II, 1961, стр. 86—87).

8. Пятнестремьянные кони — по-видимому, поэтическая характеристика

хороших, породистых коней. Ее происхождение и другие случаи употребления, а также иноязычные аналогии нам неизвестны.

9. Роды и поколения — *мух* «род», «фамилия», слово, переводимое китайским 姓 *син*, *циэр* по словарю «Море письмен» (л. 90а), «своя кость», «кровная родня», «близкие родственники по отцу и братьям», т. е. только по мужской линии. Нам кажется, что между *мух* и *циэр* у тангутов в глубокой древности было, возможно, то же различие, что и между *син* и *ши* (氏) у древних китайцев, т. е. первое это «восходящее к тотему родовое имя», а второе — «патронимическое наименование», общее наследственное имя всех членов группы семей, происходивших от общего предка по мужской линии (М. В. Крюков, *Род и патронимия в древнем Китае*, автореферат канд. дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ин-т этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, М., 1965, стр. 16). Однако следует сразу же отметить, что изучение родо-племенных терминов родства у тангутов требует специального исследования.

10. *Рар-ту* — имя предка, отца-прародителя тангутов. Н. А. Невский писал: «Имени Рар-ту мне пока не удалось отождествить ни с одним именем, встречающимся в китайских источниках» (ТФ, кн. 1, стр. 76). Рар-ту «Гимна» трудно сопоставить с кем-нибудь из реальных предков правящего дома Си Ся, несмотря на множество известных нам из китайских источников имен. Ограничимся пока лишь тем, что укажем на возможную близость Рар фамилии правящего данчанского рода Лян 梁. Как известно, данчанские племена также являются вероятными предками тангутов Ся.

11. *Сан-мбух-лон*, он же Сан-волдырь, предок тангутов, возможно, один из семи сыновей Рар-ту, воевавший с тибетцами. Имя его можно попытаться сопоставить с именем Сифын Бу-лая 緡封步賴, si piwong b'uo lai (В. Karlgren, № 1241, 11971, 73, 272e), хотя китайские источники ни слова не сообщают о борьбе Сифын Бу-лая с тибетцами (*Цзю Тан шу*, изд. 198, стр. 1651).

12. *Чи-кух-рух*, он же Чих «шкатулка», предок тангутов, возможно, один из семи сыновей Рар-ту, воевавший с Китаем. Отдаленное сходство с его именем можно найти в имени хорошо известного Тоба Чи-цы, действительно воевавшего с Китаем 赤辞 tšiak zi (В. Karlgren, № 793, 968).

13. *Ги-нех* — предок тангутов, тоже, возможно, один из сыновей Рар-ту. Имел внешность коня. В этой связи любопытно заметить, что конь Гэсэра должен был победить демона-лошадь из страны Sa-tham, а эта лошадь-демон должна была родиться из скалы (R. A. Stein, *Recherches sur l'épopée*, p. 531). В связи с этим мы обращаем внимание читателей на тот факт, что первая часть имени Рар-ту значит «гора», а его сын (?) Ги-нех имел внешность коня.

14. *Хох-хах* — предок тангутов. Сын ли он Рар-ту или другое лицо, так как сам назван «отцом», — неизвестно.

15. *Черный бычок*. — Любопытно отметить, что черный бычок на Дальнем Востоке обычно был жертвенным животным.

16. *Благовонный* (ароматный) слон (санскр. Gandhahasti) — один из семнадцати почитаемых слонов Bhadha-kalpa — настоящего периода. Также имя бодхисатвы, жившего на севере, на горе Благовоний.

17. *Нриу-нриу* — предок тангутов, возможно, один из семи сыновей Рар-ту.

18. *Каждодневно... колесницы не помогли*. — Возможно, в этих строках нашла легендарное отражение подлинная история переселения тангутов из Амдо в Ордос и их расселение в Ордосе. В 635 г. Тоба Чи-цы, вынужденный подчиниться Китаю, получил должность правителя области Сижун, в районе современного г. Циньян провинции Ганьсу. Позднее, где-то между 678—680 гг., под давлением тибетцев в Ордос переселяется часть тангутских племен. В 763 г. из-за восстания Ань Лу-шаня тангутские племена, жившие к востоку от Куку-нора, тоже переселяются в район Ордоса. К этому времени тангуты плотно заселяют южную окраину Ордоса (округа Линчжоу, Цинчжоу, Инчжоу, Сячжоу) по обеим сторонам Великой стены. Они оказались беспокойными соседями и в союзе с тибетцами и другими племенами создавали угрозу расположенной неподалеку столице танского Китая — г. Чанъань. В VIII в. Го Цзы-и представил двору проект переселения тангутов в более отдаленные районы. Это переселение, хотя и недобровольное, состоялось, и дансяны (тангуты) заселили центральные и северные области Ордоса. В начале IX в. произошло восстание тангутских племен, вызванное притеснениями китайских чиновников. Край выпал из-под власти Тан, и сам император возглавил карательную армию. После подавления восстания часть тангутских племен переселилась в район Наньшанских гор. Возможно, что все эти события и нашли туманное отражение в стк. 22—26 «Гимна».

19. *Его сомнения углубились* — о каких и даже чьих сомнениях, неуверенности, неверии идет речь — неясно. Может быть, углубилась неуверенность китайского императора в его власти над тангутскими племенами?

20. Рар-ту противился, [но] сам еще не добился независимости («сам себя еще не освободил»). — По-видимому, речь идет о периоде истории тангутов до 873 г., когда Тоба Сы-гун захватил г. Сячжоу, так как до этого тангуты постоянно зависели от танского Китая, хотя, как уже указывалось в предыдущем комментарии, и противились его господству.

21. Матушка 'А-мбах. — В примечании к тексту мы уже указывали, что 'А-мбах может значить «теща», и тогда это не собственное имя. В тексте речь идет о прародительнице тангутского правящего рода, известного в китайских источниках как Вэймин 嵬名. В «Море писем» (стр. 67а) упоминается еще «несравненная пра-

родительница тангутов Те» . Р. А. Штейн указал нам (в частном письме),

что, по его мнению, бесполезно пытаться отождествить Рар-ту с каким-то конкретным историческим лицом, а матушка 'А-мбах, по логике легенды, должна быть легендарной женой Рар-ту, хотя она и упомянута в легенде значительно позднее. По-видимому, и Рар-ту и 'А-мбах просто легендарные прародители тангутского народа. (Пользуясь случаем, автор выражает глубокую благодарность проф. Р. А. Штейну за то, что он взял на себя труд прочесть комментарий в рукописи и сделал ряд очень ценных замечаний.)

22. Ги-мих — правящий род тангутов. В китайских источниках известен как Вэймин и Тоба. Насколько нам известно, фамилия Тоба еще ни разу не зафиксирована в тангутских источниках. О Вэймин см. Е. И. Кычанов, *К проблеме этногенеза тангутов (Тоба, Вэймин, Вамо)*, — «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964)», М., 1964.

23. Дедушка Йа-цхан — предок тангутов, возможно, муж (или сын?) матушки 'А-мбах. Может быть, его можно попытаться сопоставить с государем минягов gYu-rse (R. A. Stein, *Recherches sur l'épopée*, p. 191). О нем говорится, что он искал корову. Легенда о корове известна и в тибетских преданиях (R. A. Stein *Recherches sur l'épopée*, p. 202), а также в легендах древних тюрков (информация получена от Ю. А. Зуева).

24. Нгух-ндех — предок тангутов, сын деда Йа-цхана. О нем говорится, что он «спарился с драконом». Он же прародитель Сех-хоха. Из тибетских источников известно, что отец Сех-хоха был змеем-демоном, а мать — демоном-людоедом. (R. A. Stein, *Mi-nags et Si-Hia*, p. 240). Нам кажется, что в тексте «Гимна» мы имеем дело с отзвуком этой легенды, известной уже из тибетских источников.

25. Сех-хох или Цих-хох (имеется два, очень сходных по написанию, но раз-

личных по звучанию знака *сех* и *цих*) — основоположник правящей

тангутской династии, лицо, хорошо известное в тибетских источниках как Se-hu, Se'u — сын змея-демона и демона-людоеда (R. A. Stein, *Mi-nags et Si-Hia*, p. 240). В «Гимне» сообщается, что он стал императором тангутов и родился с двумя зубами. В «Истории [династии] Сун» также сообщается, что у первого тангутского императора Цзи-цянтя еще до рождения прорезались зубы («История [династии] Сун», гл. 485, стр. 3748).

Это дало Н. А. Невскому полное основание считать Сех-хоха и Цзи-цянтя одним и тем же лицом (ТФ, кн. 1, стр. 76). Имя Цзи-цянтя (繼遷 *ki ts'jan*, В. Karlgren, № 1241, 206), даже если принять чтение его имени в тексте «Гимна» как Цих-хох, не совпадает с оригинальным тангутским именем первого государя Си Ся. То, что Цзи-цянтя был первым тангутским императором и что рассказ о его рождении также сопровождается легендой о зубах, которые прорезались еще до рождения, дает очень веские основания для сопоставления Сех-хоха и Цзи-цянтя.

Но мы заметим, что если исключить легенду о зубах, то право на отождествление с Сех-хох имеет и Тоба Сы-гун (思恭 *si kung*, В. Karlgren, № 973, 1182). Основания для попытки такого сопоставления следующие: 1) имена Сы-гуна и Сех-хох довольно близко совпадают, 2) Сы-гун тоже может считаться основоположником правящего дома Си Ся, ибо именно со времени его правления тангуты дома Тоба стали ванами и цзедуши армии Диннань, полусамостоятельными, а зачастую фактически и самостоятельными, правителями будущих центральных областей государства Си Ся. Действительно в 873 г. Сы-гун завладел г. Сячжоу и объявил себя его правителем. Затем он отличился во время подавления народного восстания в Китае, предводительствуемого Хуан Чао, и в 881 г. был назначен цзедуши армии Диннань (военным

генерал-губернатором округов центрального и южного Ордоса), а затем в 884 г. получил титул вана Ся, т. е. первого князя будущего государства Си Ся. Начиная с Тоба Сы-гуна, управление центральным и южным Ордосом и должность цзедуши стали наследственным правом дома Тоба. Мы не оспариваем отождествления Н. А. Невским имени Сех-хох с Цзи-цянем, а лишь указываем на тот факт, что не будь легенды о зубах, претендентом на отождествление с Сех-хохом с наименьшими основаниями был бы и Тоба Сы-гун.

26. Десять благих знамений — десять счастливых предзнаменований, предрекавших необычное будущее ребенка. Образ заимствован из буддийских представлений (*Бьяньвэнь о Вэймоцзе, бьяньвэнь «Десять благих знамений» (неизвестные рукописи бьяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии)*). Издание текста, предисловие, перевод и комментарий Л. Н. Меньшикова, М., 1963).

27. В сопровождении семи всадников прибыл, чтобы стать императором. На земле тангутов призвал, кто к нему не пришел? —

Семь всадников сопровождали Сех-хоха, у Пар-ту было семь сыновей. Эти совпадения не случайны и, вероятно, говорят о включении буддийских элементов в тангутские предания. Семь сыновей известны в притче Nirvāna sutra (W. E. Soothill, *A dictionary of Chinese buddhist terms*, London, 1937, p. 11), семь всадников, семь разбойников упоминаются в Гэсэриаде, легенда о семи всадниках существует и независимо от эпоса о Гэсэре (R. A. Stein, *Recherches*, p. 140). Упоминание о семи всадниках, сопровождавших Сех-хоха, возможно, только относит эти легенды в глубь веков.

Как известно, в 982 г. с группой своих единомышленников Цзи-цянь бежал из г. Иньчжоу в степь и поднял тангутов на борьбу за независимость, так как его брат Цзи-пэн в том же году из-за ссоры с родственниками подарил все тангутские земли сунскому двору. Тангутские племена охотно поддержали Цзи-цяня в борьбе с Сунами. Именно эти события, по-видимому, и описываются в стк. 35—36 «Гимна».

28. Мы, люди, выполняющие церемониал лошади, — О церемониале лошади у тангутов нам ничего не известно. Но обожествление лошади, необычайность лошади героя хорошо известны в мировом фольклоре, в частности в тибетских легендах и эпосе (R. A. Stein, *Recherches*, pp. 535—542; *Les Tribus*, p. 35). Думается, что в тексте «Гимна» мы сталкиваемся с аналогичным явлением.

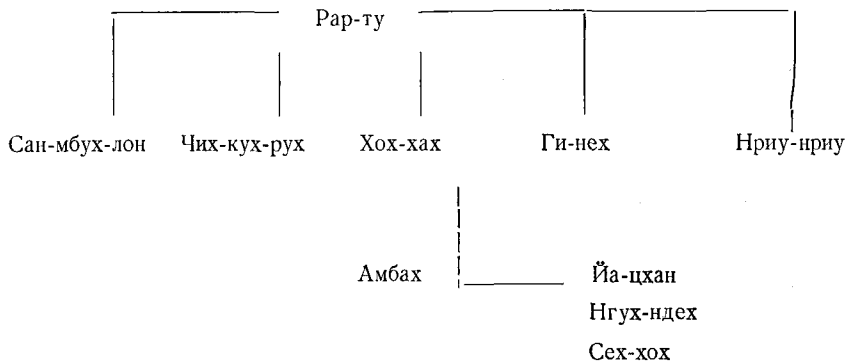
29. Доблестное племя идет на запад, где лики предков. — По буддийским поверьям, на западе находился рай будды Амиды, где пребывали души праведников, в том числе, конечно, по поверьям тангутов, и их предков. Упоминание о продвижении тангутов на запад в тексте «Гимна» является, возможно, отражением войн тангутов с восточнотибетскими племенами и уйгурами (Е. И. Кычанов, *Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI в.*, — *Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР*, т. XV, 1962, стр. 140—153).

30. Еще не отложившись, не бросив клича, среди захоластных окраин он замысел смелый таил. — Из китайских источников известно, что, еще не добившись полного признания, ведя войну на западе с тибетцами и уйгурами, на востоке — с Китаем, Цзи-цянь не раз обращался к Сунам с предложениями о мире, считая почетный мир с Китаем непременным условием победы над другими врагами и укрепления тангутского государства. Именно по его настоянию его сын Дэ-мин в 1006 г. добился мирного договора с Сунами и тем самым юридически признания своего независимого положения. Возможно, именно эти события и отражены в последних строках «Гимна».

* * *

«Гимн священным предкам тангутов» повествует о ранней истории тангутских племен. Эта история в тексте «Гимна» изложена в поэтической и легендарной форме. Два последних обстоятельства сильно затрудняют выявление в тексте реальных исторических фактов и сопоставление их с материалами китайских источников, единственным полным сводом сведений по истории тангутов. Однако изложение ранней истории тангутов в тексте «Гимна» имеет сходство с тибетскими легендами и тибетским эпосом. Корни этого сходства понятны: они объясняются родством всех тибетоязычных народов, тем, что тангутские легенды, с одной стороны, сами впитывали в себя тибетские легенды, а с другой, — становились, по-видимому, их составной частью. Стоит указать на то обстоятельство, что ранняя история самих тибетцев, как правило, носит тоже легендарный характер.

Генеалогия предков тангутов, составленная по тексту «Гимна», может быть отражена в следующей схеме:

Следует заметить, что мы имеем дело как бы с двумя уровнями, на которых рас-пределяются предки правящего дома Ся: прародитель Рар-ту и последующие пять предков — это первая группа. Потомков Рар-ту можно считать его сыновьями, так как рассказ об их подвигах замыкается новым упоминанием о Рар-ту, напоминанием об его успехе, который можно расценивать и как результат деятельности его пятерых сыновей. Это как бы прародители тангутов-миняг вообще. Затем мы имеем дело со второй группой предков, на этот раз твердо названных прародителями правящего тангутского дома. Характер связи этих двух групп предков неясен. Наконец, лишь последнее из перечисленных в «Гимне» предков мы можем сопоставить с реальным историческим лицом. Остальные ждут своего отождествления, если оно вообще будет возможно. А это произойдет лишь тогда, когда мы найдем о них дополнительные сведения для сопоставления в тангутских же источниках. Большую пользу может принести изучение тибетских источников, к которым тангутский материал, как мы попытались показать, имеет большее тяготение, чем к китайским. Многие, еще неудовимые нити, связывают тибетскую и тангутскую традиции. Сопоставление их станет возможным при более полном выявлении тех и других материалов.

Однако, если уровень наших знаний еще не позволяет нам точно интерпретировать генеалогическую таблицу предков, то мы можем все-таки найти в «Гимне» целый ряд фактов, подтверждающих сведения, известные из других источников, и просто новые факты, доселе неизвестные. Текст «Гимна» подтверждает точность китайских сведений о первоначальном месте расселения тангутских племен (комм. 6), характеристику их внешнего облика (комм. 7), указывает на то, что составители «Истории [династии] Сун» знали некоторые тангутские легенды (легенда о рождении основателя династии с двумя зубами).

К числу новых и важных сведений относятся сообщение о женитьбе Рар-ту на тибетской девушке, чем, вероятно, в легенде подчеркивается древность родства и общность происхождения, исторически достоверная, двух народов, а также, если мы правильно поняли текст, сообщение о коне предка — коне, участнике всех его побед и поражений, положившем якобы начало «церемониалу лошади» у тангутов. Содержание данного обряда нам пока неизвестно⁸, но упоминание о нем заслуживает всяческого внимания.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о художественных особенностях «Гимна». Как и другие поэтические произведения этой группы, «Гимн» написан торжественно и просто, без употребления сложных поэтических образов. Определить точные закономерности построения стиха затруднительно. Построенный на принципе параллелизма, стих не отличается четким чередованием ровного и восходящего тонов, параллелизм тонов скорее угадывается, чем прослеживается как закономерность. Нет строгой последовательности и в чередовании коротких и длинных строк. Окончательные выводы о характере стиха всей группы од могут быть сделаны только после комплексного их изучения.

Пока же мы ограничиваемся лишь тем, что представляем читателю тангутский текст и перевод «Гимна» — перевод, требующий критики, но, как нам кажется, позволяющий уже на тангутских материалах приоткрыть завесу, скрывающую отдаленное прошлое тангутских племен, как оно отразилось в тангутских преданиях.

⁸ В «Истории [династии] Сун» сообщается, что, потерпев поражение, тангуты возвращались на место неудачи и убивали там человека и лошадь для того, чтобы «убить злых духов и призвать добрых» («История династии Сун», гл. 486, стр. 3797).